

Карипбаев Б.И. – доктор философских наук,
профессор-исследователь
Карагандинский университет имени Е.А. Букетова,
г.Караганда, Казахстан

Либеральная демаркация толерантности

Авторы либерального перфекционизма различают два вида – толерантности. Одно сильное, в целом положительное признание, которое распространяется на различия в пределах либерального блага, и другое, более слабое и негативное, которое мирится с различиями, противоречащими либеральному благу. Это означает, что – предпочтение отдается лицам и действиям, которые можно отнести к либеральному благу. Это также означает, что толерантность носит существенно и сильно либеральный характер. Сильная толерантность в этом смысле может быть толерантностью только к либералам (хотя и разного рода), а толерантность может пониматься как либеральные добродетели [1].

Критическая терпимость: Еще один переулочек в лабиринте толерантности – это критическая толерантность, и критическая толерантность также существует в нескольких вариантах. Одним из известных текстов является эссе Герберта Маркузе «Репрессивная толерантность», в которой он различает ложную и истинную – толерантность. Он также использует термины «абстрактный» или «чистый» для ложной терпимости. Маркузе утверждает, что в современной истории толерантность зародилась как настоящий термин. Терпимость распространялась на группы меньшинств и лиц, борющихся за свободу и правду и против господства. Это означает, что терпимость работала вместе с правдой, с пристрастием и подавленным. Толерантность сопровождалась идеей перемен. Позже толерантность, так сказать, изменила смысл и сторону. Толерантность распространялась на всех, чтобы нейтрализовать силы перемен. Таким образом, толерантность стала жизненно важным средством политики невмешательства, оплотом истеблишмента. Любая оппозиция, правильная или неправильная, законная или нелегитимная, рассматривается одинаково, ее терпят. Маркузе не отвергал толерантность как идеал, но утверждал, что его необходимо изменить. Еще предстоит создать условия, при которых толерантность снова может стать освобождающей и гуманизирующей силой. Когда

толерантность главным образом служит защите и сохранению репрессивного общества, когда она служит нейтрализации оппозиции и делает людей невосприимчивыми к другим, лучшим формам жизни, тогда толерантность извращена. Терпимость должна быть на стороне, она должна определяться в свете истины, свободы и освобождения, а силы, препятствующие свободе и истине, недопустимы: Реализация цели терпимости потребует нетерпимости к господствующей политике, взглядам, мнениям и распространения терпимости на политику, взгляды и мнения, которые запрещены законом или подавляются. Иными словами, сегодня толерантность снова предстает такой, какой она была у своих истоков, в начале современного периода, – пристрастной целью, подрывным освободительным понятием и практикой. И наоборот, то, что сегодня провозглашается и практикуется как терпимость, во многих своих наиболее действенных проявлениях служит делу угнетения. Маркузе утверждает, что различие между ложной и истинной толерантностью может быть проведено рационально на эмпирических основаниях, причем эта точка зрения не рассматривается им в деталях.

Две другие теории толерантности можно классифицировать как критические, хотя первая склоняется к коммунитаристскому взгляду, а вторая – к либеральному. Дэвид Миллер утверждает, что толерантность должна быть связана с общим гражданством. Такое общее гражданство является условием социальной справедливости и равенства. Миллер утверждает, что национальная политика и национальная автономия подвергаются нападкам с двух сторон. Извне глобализация вынуждает национальное государство подчиняться глобальным рыночным механизмам, уменьшая национальное самоуправление и автономию. Изнутри усиленный трибализм означает большую групповую автономию, что также угрожает национальному единству. Поэтому необходимо укреплять национальное государство не из-за какой-то национальной идеологии, а для поддержания политического уровня, который может поддерживать равенство и справедливость. Такой уровень должен иметь определенную силу, чтобы делать и проводить политику.

Общее гражданство – это не то, что можно (полностью) выбрать, а то, во что человек вращается. Таким образом, общее гражданство тесно связано с национальной идентичностью. Национальная идентичность всегда находится в напряжении между единством и множественностью и постоянно меняется: «Для идеального диалога, чтобы иметь шансы на успех, участники должны разделять общую идентичность граждан, которая сильнее, чем их отдельные идентичности членов этнических

или иных групп. группы». Это означает, что диалоги о толерантности всегда происходят на фоне какой-то общей идентичности. Эту общую идентичность необходимо поддерживать и укреплять посредством образования. Такая политика не противоречит терпимости, а является условием терпимости.

Юрген Хабермас проводит различие между особым жизненным миром индивидов и групп, с одной стороны, и публичной сферой, с другой, почти так же, как и в либеральной теории. При поверхностном чтении кажется, что Хабермас не интересуется толерантностью – он вообще мало использует это понятие. Однако он часто использует слово «солидарность» как синоним. Хабермас различает особую солидарность/толерантность, находящуюся в частной сфере, и универсальную солидарность/толерантность в публичной сфере. Как составная часть универсалистской морали солидарность утрачивает свое сугубо частное значение, в котором она ограничивается внутренними отношениями коллектива, этноцентрически обособленного от других групп, – характер вынужденной готовности жертвовать собой ради коллективной системы, всегда присутствующий в домодернистской системе. Справедливость, понимаемая в постконвенциональных терминах, может сблизиться с солидарностью как с другой ее стороной только тогда, когда солидарность трансформирована в свете идеи всеобщего, дискурсивного формирования воли. Главной задачей Хабермаса здесь является установление универсальной морали в публичной сфере. Он основан на предположении, что люди являются коммуникативными существами и что можно выделить определенные процессуальные условия или принципы, которые могут обеспечить публичный дискурс. Благодаря такому дискурсу можно достичь нового согласованного понимания общих норм и принципов социальных и моральных отношений. Солидарность или толерантность являются необходимой предпосылкой для такого дискурса, утверждает Хабермас. Нам нужно уважать другого как человека, чтобы осмысленно вступать в дискурс. Более точные принципы и содержание толерантности должны быть выработаны в дискурсе. Критическая толерантность во многом формировалась в критическом диалоге с – либеральной толерантностью. Это также относится к коммунитарной толерантности. Проще говоря, коммунитарная толерантность отрицает универсальную либеральную основу для понимания различий и обращения с ними. Такая структура всегда частична и конкретна, и она легко становится нелиберальной по отношению к сильным различиям. Следовательно, толерантность следует понимать в свете ее особого

исторического, политического, религиозного и философского - контекста. Терпимость – это не одно и то же; она меняется в зависимости от социальной ситуации и теоретической основы. Это также означает, что толерантность никогда не может быть понята как процессуальный принцип. Оно всегда зависит от некоторого существенного объяснения блага. Иными словами, не существует ни одной теории толерантности, которая превосходила бы все частные моральные понимания и теории. Тем не менее между различными концепциями толерантности могут быть сходства и общие черты [2].

Коммунитарная толерантность: Уолцер делает некоторые ценные различия, касающиеся различных контекстуальных толкований толерантности. *Во-первых, он утверждает, что толерантность можно понимать в целом, включая следующие позиции:*

1. Отказ от принятия;
2. Безразличие (пассивное, расслабленное, доброжелательное) к различию;
3. Признание прав других (даже если они выражены непривлекательно);
4. Открытость, уважение (слушай и учись);
5. Восторженное одобрение различий

Во-вторых, Уолцер утверждает, что толерантность принимает разные формы при разных режимах. Например, толерантность в национальных государствах отличается от толерантности в иммигрантских обществах. Национальные государства характеризуются одной доминирующей группой и одним или несколькими меньшинствами. Существует давление групп меньшинств в сторону национальной идентичности и ассимиляции, по крайней мере, в важных общественных делах. С другой стороны, на группы меньшинств оказывается давление с целью повысить толерантность по отношению к своим членам. В иммигрантских обществах нет доминирующей группы. Человек терпится как личность, а не как член группы. Таким образом, толерантность больше горизонтальна, чем вертикальна. Это не вопрос более доминирующего большинства по сравнению с меньшинством, а вопрос индивидов по отношению к индивидуумам на равной основе.

Члены иммигрантских обществ часто имеют идентичность через дефис. Это приводит к третьему вопросу о контексте и толерантности, различию между современной и постмодернистской толерантностью. Современная толерантность существует в двух вариантах, утверждает Уолцер. В первом случае основное внимание уделяется отдельным лицам и инклюзивности. К людям следует относиться как к

гражданам. Во втором случае толерантность означает признание культурных групп. Меньшинства осознают себя членами культурных групп, у них есть групповая идентичность. Эти группы меньшинств находятся под давлением, и это приводит к кризису идентичности среди меньшинств. Таким образом, толерантность означает положительное признание культурных меньшинств. В то время как современная толерантность оперирует пониманием различий между группами и индивидуумами, постмодернистская толерантность понимает различие более радикально. Субъект сам по себе характеризуется множественностью. Человек имеет относительную, подвижную и множественную идентичность, и терпимость относится не только к тому, как относиться к другим, но и к тому, как относиться к самому себе.

Постмодернистская толерантность: Описание постмодернистской толерантности можно найти в книге Ричарда Рорти «случайность, ирония и солидарность», хотя он также использует солидарность вместо терпимости и не часто использует термин постмодерн. Рорти понимает различие как радикальное и конститутивное. Различие всепроникающее, это не то, что следует или можно было бы преодолеть. Мы также не можем преодолеть различия в знаниях, языке, морали и так далее. Не существует нейтральной позиции или основания, с которого можно было бы понять и оценить различие. Это означает, что мы никогда не можем знать наверняка, является ли наша версия верной или истинной. Это приводит к индивидуальной толерантности. Рорти называет толерантного человека «ироником». Она заперта в своем собственном языке, но видит пристрастность и случайность этого.

Рорти также разрабатывает концепцию государственной терпимости, либерального государства. Цель государства – обеспечить свободу личности. Государство должно вмешиваться в личную свободу только тогда, когда есть риск причинения вреда. Оба эти вида толерантности являются негативными (пассивными). Рорти также выступает за третью, позитивную форму толерантности, толерантность как солидарность. В его утопии человеческая солидарность будет рассматриваться не как факт, который нужно признать, избавившись от «предубеждений» или закопавшись в ранее сокрытые глубины, а скорее как цель, которую нужно достичь. Это достигается не исследованием, а воображением, способностью воображения видеть в незнакомых людях своих товарищей по несчастью. Солидарность не обнаруживается путем размышления, а создается. Он создается за счет повышения нашей чувствительности к

конкретным деталям боли и унижений других, незнакомых людей.

Три типологии толерантности позволят не потерять направление в лабиринте терпимости. Я утверждаю, что возможно и плодотворно построить три типологии или модели на основе установленных выше различий. Я использую понятия «типология» и «модель», чтобы показать, что они являются идеальными типами в веберовском смысле. Типологии идеальны не в том смысле, что они соответствуют тому, какой должна быть толерантность, или что они дают всеобъемлющее описание всех аспектов толерантности, как она понимается на самом деле. Типологии представляют собой теоретические упрощения, подчеркивающие определенные аспекты. Здесь они полезны для размышлений о взаимосвязи между толерантностью и межрелигиозным воспитанием [3].

Терпимость первая – это классическая и минимальная терпимость: я терплю то, что считаю неправильным. Терпимость всегда на втором месте, в крайнем случае. Это лишь промежуточная ценность – толерантность не является целью сама по себе, она имеет инструментальную ценность. Это способ справиться с разногласиями во мнениях и действиях, которые не во благо. Терпимость – это последний выход после попытки отстаивать правильность, добро или истину. Его часто формулируют как свободу слова, как в следующей цитате (Вольтер): «Я могу не согласиться с тем, что вы хотите сказать, но я буду защищать до смерти ваше право говорить это». Это значит, что толерантность – это когда знаешь правильное и истинное, но почему-то не действуешь в соответствии с этим. Терпимость как выносливость имеет место, когда сильная теория о правильности и/или истине, теория с универсальными утверждениями, конфликтует с другой. Сильные теории могут быть совершенно разными. В Норвегии толерантность наиболее распространена среди консервативных христианских групп и групп Норвежской гуманистической ассоциации (светского гуманистического общества). Их объединяет сильный современный идеал единой истины и концепция свободного, разумного, автономного индивидуального человеческого существа. Жизненно важно, чтобы каждый человек занимал недвусмысленную позицию по вопросам истины и справедливости. Это также тот вид терпимости, который отстаивается во многих современных моральных и политических философах. Терпимость один является одновременно и процессуальной, и негативной. Процедурно-либеральная теория толерантности считается само собой разумеющейся; не существует существенной теории терпимости, основанной на конкретной концепции блага. Это означает, что толерантность есть нечто внешнее

по отношению к их собственным теориям, она не интегрирована как благо. Толерантность сводится к тому, чтобы ничего не делать, позволять людям говорить, не вмешиваясь. Проблемы с толерантностью к одному двоякие: сначала я становлюсь более терпимым, чем больше я не одобряю другого (но все же терплю). Терпимость — это не путь к лучшему пониманию другого; во-вторых, теория различий может быть слишком мелкой. Разница в чем-то там. Но так ли это? Разве различие не является частью нашей группы и нас самих?

Вторая терпимость состоит в том, чтобы не быть предубежденным. То есть толерантный человек – это человек, открытый и либеральный по отношению к другим людям и проблемам. Она прогрессивна и не позволяет традициям ограничивать ее жизнь и ее точки зрения. Следовательно, терпимость два – это не последнее средство, а свойство хорошего человека. Терпимость – это добродетель. Добродетель состоит в том, чтобы быть беспристрастным. Люди индивидуальны и разные, и это хорошо.

При толерантности два нет необходимости в сильной теории о правильном и истинном. Нет двойного условия терпимости. Не нужно сначала не одобрять что-то, чтобы принять это. Нет, терпимость – это принятие различий. Это тип толерантности, который чаще всего обнаруживается в опросах и других количественных эмпирических исследованиях толерантности. Толерантность в этих исследованиях измеряется различными вопросами предрассудков. Тогда можно выявить связь между толерантностью и образованием, возрастом, полом, религией, национальностью и т.д. Это первый шаг к выявлению причин толерантности, что, в свою очередь, может помочь образованию и политике.

Проблема второй терпимости в том, что она может терпеть только терпимых людей. Людей, которые не толерантны, не терпят. Это происходит потому, что терпимость два теряет свою двойную основу; это не эффективно в тех случаях, когда есть реальная разница. Толерантность на самом деле означает сделать всех одинаковыми, а не только людей с толерантными взглядами. Такая либеральная терпимость легко становится очень самонадеянной, репрессивной и нетерпимой по отношению к радикальным формам жизни. В западном мире есть множество недавних примеров этого.

Третья терпимость – это терпимость как открытость. Толерантность как открытость во многих отношениях является самой амбициозной из трех. Терпимость здесь может быть переведена на эмпатию и обучение. Терпимость обусловлена различием и принятием,

но различие понимается как нечто большее, чем возражение (неодобрение и неприязнь). Различие не обязательно является угрозой или чем-то, что я должен занять. Тем не менее, толерантность не дается легко. Толерантность означает участие, попытки понять и научиться, и для этого я должен открыться.

Открыться не значит погасить себя. Толерантность означает, что вы отличаетесь от меня, что предполагает «я» и «идентичность». Идентичность, однако, понимается не как фиксированная, а как движущаяся, как нескончаемая история. Оно множественное и двусмысленное, но подотчетное. Это означает, что разница не там, что-то внешнее по отношению к нашей группе и ко мне. Различие конституирует всех нас, во всех изменяющихся отношениях, в которых мы находимся. Это значит, что толерантность всегда рефлексивна – она обращена к другому и ко мне. Отличие – это ресурс того, как я понимаю и отношусь к другим и к себе. Толерантность три положительна, она активна. Терпимость – это не вмешательство, терпимость – это вмешательство, забота. Проблема толерантности как открытости в том, что она может быть слишком романтической и гармоничной, слишком наивной по отношению к властным структурам, обуславливающим и отчасти определяющим человеческие отношения.

Толерантность и межрелигиозное образование: Как эти три типологии могут способствовать межрелигиозному образованию? Я не могу дать исчерпывающий ответ, но могу указать на некоторые возможности. Я сделаю это в те же три шага, что и выше.

В некоторых случаях межрелигиозного воспитания различия настолько глубоки, что лучшее, на что можно надеяться, это бесконфликтность или негативный (пассивный) мир. В учении о религиозных конфликтах в мире это очевидно. В некоторых случаях конфликты настолько глубоки, что единственной реальной альтернативой является ненасилие. Можно морализировать и утверждать, что участники должны уметь уважать друг друга. Но, сидя в безопасном классе за тысячу миль отсюда, легко сделать такое заявление. На следующий день учитель может воевать со своим соседом или женой. Иногда человеческие, социальные, моральные и религиозные конфликты так сильно связаны с историей, эмоциями и идентичностью, что цель толерантности в межрелигиозном образовании состоит в том, чтобы признать свое неодобрение, но не вмешиваться.

Это также может иметь место, когда некоторые религиозные группы заявляют, что что-то является абсолютной истиной или

правильностью. Требование большей терпимости, чем терпимости, означает требование раскрытия абсолютных требований и требование пересечения границы в многоконфессиональном классе. Это не означает, что нельзя обсуждать и оспаривать религиозные истины, но в определенных ситуациях требование большей терпимости означает воспитательное принуждение.

Некоторые добродетели должны быть идентифицированы как более терпимые, чем другие. Это также относится к мультикультурным обществам и классам, хотя никогда нельзя надеяться на абсолютное согласие. Это всегда согласованное политическое соглашение, меняющееся с годами. Это означает, что целью толерантности в межрелигиозном образовании является, например, поощрение уважения, солидарности и справедливости [4].

Конечная цель толерантности в межрелигиозном образовании – открытость. Тем не менее, оставляя других людей в покое и поощряя некоторые общепринятые добродетели толерантности, мы не учимся. От нас не требуется, чтобы мы лучше понимали различия или видели, могут ли эти различия чему-то меня научить. Межрелигиозное образование заключается не только в том, чтобы понять другого как в другом, но и в том, чтобы понять, что находится между ними. Это не только понимание того, что есть, но и того, что может быть. Движение в межрелигиозном образовании начинается, когда преподается и практикуется третья терпимость.

Есть еще одна причина, по которой толерантность три предпочтительнее. В эпоху позднего модерна люди принадлежат к нескольким системам значений и действуют между ними. Это касается и религии. Быть религиозным это не довольствоваться фиксированным мировоззрением, это значит быть в движении. Это возможность лучше видеть меняющиеся ландшафты и ориентироваться в них. В лучшем случае толерантное межрелигиозное образование может открыть учащимся глаза на эти изменяющиеся и возможные горизонты.

Список литературы:

1. Семашко, М.А. Развитие термина «Толерантность» в гуманитарных науках/СПб.: наука, 1991, 250с.
2. Степанов, П.В. Феномен толерантности – 2004. – №3 с.5-15
3. Уэйн, К. Образование и толерантность//Высшее образование в Европе. – 1997. Т.№2.-с. 14-28.
4. Бондырева, С.К. Толерантность (введение в проблему)/С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та;

ӘОЖ: 342.731

Сарсенова Ж. М. – магистрант,
Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті
Қарағанды, Қазақстан

Жастардың конфессиялық қалауының жастардың саяси қатысуына әсері

Дін ұзақ уақыт бойы жеке адамдардың саяси көзқарастарын қалыптастырудың маңызды факторы болып саналды. Жастар арасында діни нанымдар мен дәстүрлер олардың саяси көзқарастарына, құндылықтары мен мінез-құлқына әсер етуде маңызды рөл атқаруы мүмкін. Бұл мақалада біз діннің жастардың саяси көзқарастарына әсерін зерттейміз.

Зерттеулер діни нанымдар мен дәстүрлер жеке адамдардың саяси көзқарастары мен құндылықтарын қалыптастыра алатындығын үнемі көрсетеді [1, 31]. Мысалы, кейбір діни дәстүрлерде кедейлік, тенсіздік және адам құқықтары сияқты әлеуметтік әділеттілік мәселелері бойынша пақты ілімдер бар. Бұл ілімдер жастардың саяси көзқарастарына әсер етуі мүмкін және олардың саяси өмірге қатысуы кезінде осы мәселелерге басымдық беру ықтималдығын арттырады [2, 28].

Сонымен қатар, дін жастардың үкімет пен саясатты қабылдауына әсер етуі мүмкін. Кейбір діни дәстүрлер адамдардың саяси процеске қатысуға және ортақ иілікке жұмыс істеуге моральдық міндеттемесі бар екенін үйретеді. Осы дәстүрлерді ұстанатын жастар саяси қатысуды таңдау емес, міндет ретінде қарастырады.

Діни көзқарас дауыс беру, үгіт-насихат және саяси белсенділікке қатысу сияқты жастардың саяси мінез-құлқын қалыптастыра алады. Қоғамға қатысуға және белсенділікке басымдық беретін діни дәстүрлерге жататын жастар саяси митингілерге, наразылықтарға және саяси жұмылдырудың басқа түрлеріне көбірек қатыса алады [3].

Алайда діннің жастардың саяси көзқарастарына әсері әрдайым тікелей бола бермейді. Мысалы, кейбір діни дәстүрлерде саяси мәселелер бойынша қарама-қайшы ілімдер болуы мүмкін, бұл бір діни ортадан шыққан жастар арасындағы саяси көзқарастардың айырмашылығына әкелуі мүмкін.